

В исследуемых текстах слово *любовник*, обычно имеющее в общем пользовании коннотации негативной этической оценки, приобретает положительные коннотации. Более того, оно становится параметром, характеризующим высокий рейтинг героини-женщины. Чем больше любовников, тем выше в глазах автора главный герой – женщина.

Ср.: – Я совсем сбрендил, – думала Лара, вполуха слушая, как любовник бормочет нежные слова. *Только что была с Игорем.. а теперь с Виталиком*, и тоже словно с цепи сорвалась... – Я не хочу тебя бросать, но не могу себе представить, как буду с вами обоими... *У меня еще есть муж, так что это уже четырехугольник...* – Удивительная ты женщина, Ларочка. Просто роковая женщина. (*Дуля Еникеева*).

Сопоставь: – Я вам не жена, не друг, а женщина, которую вы не уважаете за то, что она стала вашей *любовницей* (Чехов).

Любопытно, что прилагательное *донжуанский* встретилось по отношению к поведению молодой женщины.

Ср.: – Он просто влюбился. – Нашел в кого!.. – Пацок скрипнул зубами. – Две тысячи сорок четвертый в *ее донжуанском списке*. (*Виктория Платова*).

Деньги, подарки любовников компенсируют главные героини искусством в сексе, где они, по их рассказам, неутомимы и изобретательны. Описание интимных сцен растягивается на несколько страниц, *секс* получает определения *изысканного, чудного*. Он же функционально дифференцируется: *секс как удовольствие, счастье; секс как наркотик; секс как средство достижения своих целей*.

Секс и *дети* в «женских» романах оказываются либо несовместимыми, либо мало совместимыми. В части романов о детях не упоминается вовсе, либо они являются проблемой как до, так и после их появления на свет.

Ср.: – Ей предстояло сделать выбор – или навсегда отказаться от семьи, потерять Володю, или немедленно решиться на *ребенка*. По-видимому, *и то и другое ее пугало*. (*Вера Ветковская*).

– Я беременела дважды от тебя, – призналась она. После второго аборта мне сказали, что *детей у меня больше не будет*. (*Александра Маринина*). Она заранее предупредила его, что *детей иметь не может* (*Полина Дашкова*).

Женские любовные романы отражают возможные перспективы отношений между полами, в частности, перспективу разрушения современной семьи.

Сравни в этой связи: «В США половина зарегистрированных браков распадается. В Германии эта доля составляет одну треть... Индивидуализация проникает и внутрь существующих семей, ибо уже сегодня даже в семье каждый смотрит телевизор обособленно. Одиноким мужчина и одинокая женщина выступают главными фигурами современного общества... Так образуется некий гибридный вид индивидуализированной и в то же время массовой публики, «стандартизованное коллективное бытие разобщенных массовых отшельников» [8].

Таким образом, жизнь мужчины и женщины, их взаимоотношения в современном языке (и сознании носителей языка) представляются как система объективно существующих в реальной практике отношений. С другой стороны, языком навязываются архаичные андрогенные модели межполовых связей, наконец, язык предлагает и некую новую парадигму бытия мужчины и женщины, их отношений. Новое, как правило, предлагается женщиной.

Источники и литература

1. Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т, Лаборатория гендерных исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 624 с.
2. Гендер как интрига познания. Сборник статей. – М.: Московский гос. лингвистический ун-т, Лаборатория гендерных исследований. Изд-во «Рудомино», 2000. – 192 с.
3. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1991.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Русский язык, 1981-1984.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. – М.: Худож. лит., 1984.
6. Борохов Э. Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове). – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 720 с.
7. Лашкевич А., Широкова Е. Гендерные аспекты рецептивной эстетики: проблема читателя в русской женской прозе конца XX века // Теоретико-литературные итоги XX века. Т. 4. Читатель: проблемы восприятия. – М.: Практик, 2005. – С. 497-511
8. Силичев Д.А. Социальные последствия перехода от индустриализма и модерна к постмодернизму и постмодерну // Вопросы философии. – М.: РАН, № 7.

Еремкина Г. Г.

АББРЕВИАТУРЫ КАК ПРОДУКТ МЕНТАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

В настоящее время исследование и анализ ментальной деятельности человека привлекает внимание ученых различных отраслей – психологов, лингвистов и др. Таким образом, современная лингвистика переживает период так называемой «когнитивной революции», когда центром лингвистических исследований становится изучение формирования, хранения и передачи человеческого знания. В своих исследованиях лингвисты переходят от декларирования связи языка и мышления к изучению форм их взаимодействия [1, с. 55].

Несмотря на то, что процесс аббревиации исследован достаточно комплексно, включая основные ключевые вопросы – природа и сущность аббревиации как специфического лингвистического явления, экстралингвистические и интралингвистические факторы возникновения сокращений, классификации (Лейчик В., Клименко Н., Алексеев Д., Арнольд И.), рассмотрение аббревиатур с психолингвистической точки зрения не являлись предметом специального исследования. Однако именно этот вопрос является одним из отправных при описании данного лингвистического явления, поскольку в человеческом сознании заложен большой творческий потенциал, который он может использовать при моделировании лексических структур. Выявление механизмов и способов творческого преобразования уже имеющихся у человека образов и создание на основе этой переработки новых образов в виде сокращенных слов поможет устранить структурную и функциональную

пестроту аббревиатурных моделей, преодолеть некоторую инертность восприятия аббревиатур и заполнить языковые лакуны.

Целью данной статьи является рассмотрение аббревиатур как продукта ментальной деятельности человека и анализ закономерностей, способствующих оптимизации процесса аббревиатурообразования.

Аббревиатуры являются языковыми единицами, которые способствуют оптимизации процесса коммуникации. Они являются словами, хотя и своеобразными, которые могут самостоятельно именовать объекты и явления реальной действительности и выступать в качестве одного из средств человеческого общения. Сложность семантики аббревиатур обусловлена, с одной стороны, набором семантических дифференциальных признаков, соотносимых с различными качествами и свойствами отражаемого объекта. С другой стороны, план содержания слова формируется под влиянием лингвистических и нелингвистических факторов. Таким образом, аббревиатурное слово является носителем элементов семантического, синтагматического, синтаксического и прагматического воздействия [2, с. 20]. В этом виде словообразования как нигде более творческая языковая деятельность человека тесно связана с активным образным восприятием действительности – на основе расчлененного наименования в результате одновременного акта словопроизводства создается языковая единица с новой звуковой и графической оболочкой. При этом не все вновь образованные единицы становятся общепотребительными и самостоятельными словами. Ряд из них предаются забвению, другие проходят определенный этап адаптации, в ходе которого происходит продуктивное взаимодействие образной и вербальной систем. Большинство аббревиатур рассматривается как рациональные лексические единицы. В самой структуре аббревиатур заложена рациональность – лаконизм, экономность, семантическая емкость и информативность.

При коммуникации говорящий сокращает материальную оболочку коммуникативных единиц по определенным знакомым ему правилам и нормам, увеличивая при этом скорость и пределы поступления информации от говорящего к слушающему, концентрируя ее в одном универбе, который должен быть понятен адресату. Тенденция к сжатию информации и концентрации в одном слове определенного количества именных словосочетаний является общезыковой и свидетельствует о действии принципа языковой экономии. Таким образом, аббревиация представляет собой из видов реализации принципа языковой экономии, а адресант становится участником моделирования и универбации многокомпонентных номинативных единиц. Для поддержания процесса коммуникации адресант и адресат должны иметь некоторые представления об общих принципах языковой экономии и быть психологически подготовленными к активному употреблению этих языковых знаков, что поможет в процессе коммуникации снять определенные помехи в идентификации аббревиатур.

Создание аббревиатур предполагает наличие определенного содержательного контекста языковой ситуации, который необходим в качестве компонента при выведении значения языковой единицы. Аббревиатуры не приобрели бы того значения, которыми они обладают, не будь определенных контекстных условий для их реализации и элементов прошлого опыта при их использовании [5, с. 37].

Появление аббревиатур и их активное употребление возникает в связи с возможностью актуализировать слово до окончания его звучания, и следовательно, сократить сообщение без особого ущерба для понимания общего содержания. Аббревиатуры, возникающие, как правило, на базе высокочастотных словесных отрезков, являются ядром сообщения. Они предполагают знание темы сообщения говорящими и принцип кодирования.

Использование говорящим сокращенных слов предполагает не только определенный контекст, но и коммуникативное намерение субъекта, таким образом, значение аббревиатуры может быть реализовано не только с началом ее звучания, весь предшествующий лингвистический и научный опыт участников акта коммуникации способствует актуализации значения сокращения [2, с. 8]. В процессе коммуникации собеседники обладают возможностью предугадать или прогнозировать значение не досказанного до конца слова, благодаря контекстным связям, ассоциативным полям используемых слов, речевой ситуации, что дает возможность создавать фонеморфологические варианты аббревиатур. Чем выше культурный компонент языкового поведения собеседников, тем четче ассоциативные связи, возникающие при создании вариантов аббревиатур, что в дальнейшем делает более жизнеспособным вновь созданное аббревиатурное слово.

При создании новых аббревиатур следует учитывать ряд коммуникативных, структурных, стилистических и синтаксических особенностей: неэвфоничность, синонимия (одно и то же сокращение может передаваться в разных текстах по-разному, т. е. иметь более одного соответствия), антонимия (как правило, понятия возникают парами, тогда как в аббревиации не всегда возможно проследить такие параллели), омография (ИПК имеет 5 омографов, ЛФК – 2, МТС – 4, НИС – 4 и т. д.) и омоакронимия (КРОК, АСПИД, ЭЛИЗА, БИНТ, БРИЗ), неологизмы, архаизмы (ср. РОЭ – устаревший термин и СОЭ – его новый эквивалент).

Структурный признак аббревиатуры это признак, приобретаемый ею в процессе развития. Аббревиатуры, функционирующие в языке, неоднородны по своей структуре. Отмечено, что чем ближе аббревиатура по своей структуре к самостоятельному слову, тем слабее ее мотивирующая связь, тем менее ощущается ее связь с исходным развернутым словосочетанием [3, с. 61], тем более цельно она воспринимается говорящим, поскольку она прямо или косвенно напоминает структуру уже знакомого слова, создавая в сознании говорящего эффект сцепления актуализированного понятия с материальной сконструированной оболочкой. Аббревиатуры, имеющие в своей структуре формальный идентификатор привычной повторяющейся и уже знакомой модели с определенным устойчивым значением (НИИ – научно-исследовательский институт в структуре ГНИИ, ЦНИИ, НИИВС, НИИОП, НИИТО), быстрее адаптируются в языке. Эти фрагменты вовлекаются в построение последовательной цепи тематических рядов (АЭС – ЧАЭС, БАЭС; АЗ – ВАЗ, КАМАЗ, БелАЗ, ГАЗ), несут дополнительную нагрузку определенных семантических окружений этого слова и участвуют в формировании его семантики. Аббревиатуры типа ВОЗ, ГОСП, вуз, ВАК, ЦНИЛ, АПГАР отмечены положительным восприятием в силу прежде всего их структуры, которая ассоциируется с привычным словом. Именно в силу этого омоакронимы (сокращения, тождественные полнозначным словам – РИФМА, ЭЛИЗА) перешагнули рамки

национальных языков и стали источником пополнения межъязыковых омонимов и интернационализмов. Отмечено, что аббревиатуры индивидуального строения, не согласующиеся с нормами и правилами структурирования аббревиатур, отмечены низкой рецептивностью и низкой актуализацией в речи, что в дальнейшем влияет на ее распространение в процессе коммуникации. Чем выше степень адаптации, тем выше ее распространение в процессе коммуникации, тем менее расчлененно она воспринимается. Та часть аббревиатур, которая представляет собой относительно новые языковые единицы с более высокой степенью конденсации информации в рамках одного универба и более высоким уровнем абстракции, воспринимается говорящим как языковые единицы нового порядка.

При создании аббревиатур следует учитывать эвфоничность создаваемых лексических единиц. Отмечено, что инициальные аббревиатуры, особенно буквенный вариант, воспринимаются как математические формулы, кодовые знаки и лишь немногие из них становятся узуальными, как, например, вакцина БЦЖ, ПДК, АКДС, ДНК (другие примеры). Так, звуковые комбинации, не свойственные данному языку, не способствуют адаптации аббревиатуры, и, наоборот, наличие привычного фонетического комплекса является положительным фактом на пути дальнейшего развития аббревиатуры (сравните звуковые комбинации ГДОИФК, БГИУВ, ГУЗЛ, ГЦОЛИФК и Дофа, ПАСК, РИФА).

Любое появляющееся сокращение не есть нечто застывшее раз и навсегда, а рассматривается в развитии, в динамике с учетом взаимоотношений с исходной формой (или вариантом), к которой оно восходит. В процессе создания и закрепления аббревиатур, мы выделяем следующие этапы:

Первый этап (ранний или этап первичной структуризации) – аббревиатура создается на базе развернутого словосочетания и как словесный знак она непонятна без контекста, а воспринимается только на фоне этого словосочетания. На этом этапе происходит только формирование ее структуры, она не является пока еще лексически регулярной.

На следующем этапе становления аббревиатура еще ассоциируется с исходным наименованием, занимая второстепенное, подчиненное ему положение. При употреблении вне развернутого словосочетания она узнаваема, что обеспечивает прогнозирование ее в речи. Однако по-прежнему пока можно говорить о первичности полного варианта и вторичности сокращенного по преимущественному употреблению первого. На этом этапе происходит фонетическая и графическая шлифовка аббревиатуры, появляются варианты данной аббревиатуры, что свидетельствует о поисках оптимальных форм новой лексической единицы.

На третьем этапе аббревиатура может стать лексически регулярной, синонимичной по отношению к полному наименованию, получает широкое распространение, у нее появляются грамматические и синтаксические признаки цельнооформленного слова.

На последнем этапе аббревиатура воспринимается целостно и нерасчлененно, утрачивая в сознании говорящего связь с исходным словосочетанием, становится общеизвестным основным вариантом, а многокомпонентное словосочетание, к которому она диахронически восходит, становится синонимичным [4, с. 126].

Не все аббревиатуры проходят все четыре этапа и не все сокращения имеют облигаторный и регулярный характер. Некоторые останавливаются на первых двух этапах, оставаясь факультативными, что зависит от нормативной оценки аббревиатуры говорящими и позитивного восприятия носителями языка.

Таким образом, процесс аббревиации, получив общественное одобрение как регулярно воспроизводимый способ выражения, превратился из стихийного способа словообразования в сознательный целенаправленный процесс лингвокреативного характера, а аббревиатуры представляют сегодня языковые единицы, способствующие совершенствованию коммуникативной функции языка, создавая более удобные комплексы путем устранения расчлененности и чрезмерной детализации научных понятий, избыточности описательных деталей, а также посредством обобщения и конденсации информации. Время подтвердило коммуникативную пригодность аббревиатур, и сегодня никто уже не дискутирует по поводу самого факта использования аббревиатур в коммуникативных целях, а лишь по поводу той или иной структуры, чувства меры и др. Аббревиатурный корпус содержит как единичные малоизвестные внемоделные образования, так и общеупотребительные.

Предшествующий лингвистический опыт показывает, что укрепление позиций аббревиатур может быть достигнуто путем совершенствования формы и структуры аббревиатуры, повышения роли социокультурных факторов и др.

Для определения лексической и психолингвистической достоверности аббревиатур необходим дополнительный психолингвистический эксперимент, что определяет направление нашего дальнейшего исследования в этой области.

Источники и литература

1. Володина М. Н. Психолингвистический аспект терминологической номинации. – М.: Вестник МГУ, Серия 9, 1996. – № 4. – С. 55-61.
2. Каховская Л. Ф. Аббревиация как способ словообразования. Автореф. дис. ... канд. филол. н. – Минск, 1980. – 24 с.
3. Клоева Т. Б. Термины-словосочетания и соотносимые с ними инициальные лексические аббревиатуры // Функционально-семантические и стилистические исследования французского языка. – Сб. науч. трудов МГИИЯ им. М Тореза, 1988. – Вып. 316. – С. 52-69.
4. Шевчук В. Н. Относительно статуса аббревиатур в английском языке и их перевода на русский язык (на материале американских военных сокращений) // Система языка и перевод. – МГУ, 1983. – С. 120-130.
5. Каховская Л. Ф. Аббревиация и асимметрия языкового знака во времени // Новое в лексике русского языка. – Куйбышев, 1983. – С. 33-42.

Ечина Н. Д.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Английская медицинская терминология является объектом изучения на протяжении многих столетий. Медицинская терминология играет огромную роль в осмыслении медицинской науки, в ее развитии, в